Ростропович Мстислав 8.10.94.

№ 194 ● ИЗВЕСТИЯ

Известия. - 1994. - 8 окт. - с.5.

Здесь были Слава и Коля

Альберт ПЛУТНИК, «Известия»

Послушайте, что говорит неожиданный Мстислав Ростропович — без концертного фрака, без виолончели и дирижерской палочки.

— Двадцать лет назад меня из страны вышвырнули, как собаку. А теперь кое-кто здесь полагает, что я просто обязан вроде бы во искупление вины пролить над ними долларовый дождь. Да никому я ничего не должен, ни перед кем не виноват. А если помогаю России, то исключительно от любви к ней, от моей огромной, безграничной любви.

Две капли, переполнившие чашу

Визит маэстро к начальнику Главного медицинского управления Москвы г-ну А. Соловьеву. Договоренность о встрече была достигнута в марте. По обоюдному согласию ее назначили на 3 мая. В 15.00. Требовалось обсудить проблемы, возникшие в ходе сотрудничества фонда Вишневской—Ростроповича с Морозовской детской клинической больницей.

— В точно назначенное время, — вспоминает Ростропович, — мы были в ведомстве г-на Соловьева. Секретарь фонда, эксперты — два профессора из педиатрического центра Джорджтаунского университета и я. Мы с секретарем фонда прилетели из Токио, эксперты — из Вашингтона. Я сдернул их с места, купил билеты, оплачивал их пребывание. В московском главке нас не встретили. Вахтер куда-то позвонил, и человек на том конце провода, не назвавший ни своего имени, ни должности, сообщил, что Соловьева нет и не будет. Я спросил, не перепоручил ли он кому-то из своих замов поговорить с нами — ведь ему известно, что сегодня же вечером я уезжаю из Москвы. Было сказано: нет никого, кто мог бы это сделать... В таком оплеванном виде я еще никогда не был за свои 67 лет. Никогда и нигде.

Сюжет известной телепрограммы «Взгляд». О том же — о «незадавшемся» сотрудничестве фонда и больницы. Передача начиналась словами: «Здесь были Слава и Коля», ее показали еще в начале лета. Но Ростропович, не часто бывающий в России, узнал о ней с большим опозданием. Увидел и был потрясен. И тем, что говорил с телеэкрана главврач Морозовской больницы Михаил Корнюшин, и тем, как построил материал ведущий — журналист Александр Любимов:

— Я попал там в какую-то странную компанию. Что за человек, которого мне как бы ставят в пример? Его лицо там почему-то скрывают. Наверное, есть причина.

Корнюшин же говорил:

— Мне жалко, что вот так получается, что пообещали, наговорили... Знали, что будет здесь Ростропович, будет фонд, что мы даже... увековечим его здесь в этом корпусе, и Вишневскую, и его... Если пришел бы человек со стороны... А когда человек, которого знает весь мир... Он популярный у нас потому, что во время революции с флажком ходил там...

Род деятельности того, кто умеет держать слово, обозначен в обращенной к нему фразе ведущего: «Формально считается, что вы бандиты...» «Бандита» звать Коля. По сюжету он справедлив, великодушен. В отличие от Славы, как именуют в передаче Мстислава Леопольдовича Ростроповича (ну, тот Слава, знаете, который неплохо исполняет «вещи» Пети Чайковского, Димы Шостаковича...). Щедрый Коля подарил больнице прибор за несколько тысяч долларов (и хорошо, что подарил, благотворительность любого красит), а вот жадный Слава все тянет с подарком — еще два год назад хотел построить здесь диагностический центр для детей стоимостью несколько миллионов долларов...

Узнаем: когда не вышло с диагностическим центром, «тогда Слава подарил больнице «клинику на колесах». Не то, так это. Облегчает себе задачу... Маленькая поправка: не «тогда», не вместо центра. Если заглянуть в протокол о намерениях от 10 октября 1992 года, то видно: предоставление «клиники на колесах» стоит даже выше, чем создание диагностического центра. Незначительная передержка, но призванная, судя по всему, усилить высокую «ноту обличения». Чем крупнее мишень, тем больше желающих поразить ее. А тут фигура, надо сказать, для обличения — просто идеальная: один из немногих соотечественников, авторитетов всемирного масштаба (почетный доктор 35 иностранных университетов, включая Кембридж и Оксфорд, член французской академии бессмертных), кому еще удавалось оставаться незапятнанным, неразоблаченным. И это в эпоху, когда о каждом может быть и должна быть сказана правда и только правда. А что за правда, если она не компрометирует?

Правильно: для всех одна мораль — для власть имущих и власть неимущих, для людей больших и маленьких. Если великий человек и впрямь пытается, как мне было сказано, сотрудничать с больницей не столько ради того, чтобы помочь ей, сколько ради рекламы своего фонда, желает «воспользоваться маркой нашего известнейшего медицинского учреждения, рассчитывая, что в его фонд со всех сторон потекут доллары», то почему бы и в самом деле публично не заявить об этом? Только предположение до наивности абсурдное. И, признаться, мне было не по себе, когда Мстислав Ростропович, помимо своей воли оправдывающийся, доказывающий, что и он сделал для России не меньше, чем тот его «напарник» по телесюжету, с заштрихованным лицом, рассказывал, как до 1990 года его не хотели пускать на Родину, а появилась наконец возможность навестить ее, он понял, что не имеет права приехать с пустыми руками. Привез миллион одноразовых шприцев (в них была колоссальная нужда). Потом «мы с Галей» купили за свои деньги сименсовский самый совершенный зубоврачебный кабинет — привезли все оборудование. Потом помогали инвалидам — поставляли замечательные коляски, помогали офицерам — из частей, поспешно выводимых из ближнего зарубежья. Наконец поняли, что самое необходимое — это помощь детям России. Создали свой фонд, среди советников которого — Картер и Рейган, Тэтчер и Шмидт. Есть документ, выданный Госдепом США 28 октября 1993 года за подписью Джона Поста, который удостоверяет, что через Фонд Вишневской—Ростроповича уже поступило только для двух детских медицинских учреждений (в Москве и Санкт-Петербурге) оборудования и медикаментов на 4 миллиона долларов.

Последний автобус

Второго такого автобуса-клиники в России нет. Этот первый, да скорей всего и последний. Поскольку и он уже полтора года стоит без дела. Огромный белый широкоосный красавец со скрипичным ключом и разноцветными надписями на боках. Ростропович, когда удалось его приобрести, радовался больше, чем самому триумфальному концертному успеху. Отдали всего за 80 тысяч долларов. Хотя, если без скидок, сделанных фонду, стоит не меньше 200 тысяч.

Узнав, что «клинику на колесах» можно забирать, музыкант, у которого жизнь расписана по минутам, поехал в Норфолк. Надо было оформить «груз» для отправки водным путем в Санкт-Петербург. Позже с берегов Невы лично — всю ночь — сопровождал его до Москвы.

Узнав о приобретении российской педиатрии и в должной мере оценив его, президент Ельцин захотел своими глазами взглянуть на чудо-автобус, пожать руки уважаемым партнерам. «Клинике на колесах» был дан зеленый свет на территорию Кремля.

Сейчас «высокие договаривающиеся стороны» озадачены тем, как возвратить автобус туда же, откуда он и прибыл, то есть за океан.

Отрывки из телетайпограмм: Корнюшин — Ростроповичу, 15 июня 1994 года: «Амбулатория на колесах находится в идеальном состоянии, хотя на ее содержание и хранение мы выделяем немалые средства из нашего более чем скромного текущего бюджета. Гарантируем ее передачу вашим сотрудникам в любое удобное для Вас время». **Ростропович — Корнюшину, 20 июня 1994 г.:** «...что касается клиники на колесах, которая оказалась Вам не нужна, то я в самое ближайшее время попрошу ее забрать с принадлежавшим ей оборудованием, включая антенну. Прошу Вас также предоставить мне справки о потраченных Вами суммах на ее пребывание на территории больницы — директор Фонда рассмотрит эти затраты, и Фонд вам постарается их возместить». **Корнюшин — Ростроповичу, 20 июля 1994 г.:** «Мы не имеем намерения просить Ваш Фонд о возмещении суммы, потраченной на содержание клиники на колесах на территории больницы. Я любезно прошу Вас сообщить мне заранее (хотя бы за 5—7 дней), когда Вы планируете приехать за клиникой на колесах, с тем, чтобы я мог лично оказать Вам в этом содействие...»

Промежуточная деталь: автобус, совершив путешествие из Петербурга в Москву, забарахлил. Встал вопрос о том, что «клиника» не может эксплуатироваться без подпитки импортными маслом и тормозной жидкостью. И Ростропович, при очередном летучем визите в Москву (а его пребывание чаще всего измеряется часами), поехал куда-то в Реутово, в сервисный центр «Тринити Моторс», и за свои кровные доллары купил несколько канистр (на 30 тысяч пробега). После этого автобус загнали в ангар (отличное сооружение, специально возведенное в несколько недель благодаря хозяйственным связям и способностям главврача Корнюшина), где он и простаивает, ни разу не использованный по прямому назначению.

Главный тормоз — не в тормозной жидкости, а в том, что Ростропович поставил как бы типовой вариант американской клиники на колесах. «У американского врача, когда он выезжает по вызову или на спецзадание, — при себе всевозможная портативная аппаратура. А что у нашего? То-то и оно... А если уж «при себе» такая лаборатория, то в ней должен быть необходимый минимум для проведения экспресс-анализов», — объяснил зам. главврача И. Лущилин. По мнению профессора Г. Самсыгиной, американцы используют такие клиники только для вакцинации детей, а нам они больше нужны для диспансеризации.

Не сомневаюсь, все так и есть. Договорились, что клинику следует доукомплектовать. Музыкант попросил предоставить список необходимого оборудования. Позднее, когда обострятся разногласия между Фондом и больницей, в письме на имя начальника главка А. Соловьева он выразит недоумение по тому поводу, что, скажем, полученная для этих целей в дар от фирмы «Аббот» через посредничество его фонда гематологическая лаборатория не устраивает больницу. При том, что выбирал ее сам главврач.

Похоже, представителей российской стороны смущало, что Ростропович постоянно пользовался услугами американских экспертов. Нет бы музыканту целиком и полностью положиться на компетентность наших специалистов...

Тот, кого принимали за бога, оказался всего лишь великим гражданином и человеком

Корпус № 14, где намечали создать диагностический центр, похож и сегодня на те одряхлевшие памятники архитектуры, что, судя только по табличке, а не по внешнему виду, охраняются государством. До практической перестройки дело не дошло — стороны не сошлись в цене. Ростропович, получив из Москвы расчеты, вроде бы вновь поставил их под сомнение. Названная цена — 4,2 миллиона долларов — и впрямь показалась ему фантастической. Чтобы такие затраты на реконструкцию двухэтажного здания... Корнюшин, опять же в силу больших связей и дара хозяйственника старой школы, нашел другую иностранную фирму, которая бралась выполнить работы примерно за три миллиона долларов. Но и вторая цена не показалась благотворителю приемлемой.

Решающим оказалось все же не это. И даже не то, что Ростропович нашел неоправданно расширенным (тоже с «подачи» экспертов) и перечень оборудования для предполагаемого центра. Его поразило, что вдогонку за первым списком пришел второй, куда входило шесть цветных телевизоров, десять персональных вычислительных машин, диваны, столы, банкетки, кресла.

Между прочим, экспертная оценка запросов, с которыми обращаются партнеры, — не проявление недоверия или скупости, а обязательная процедура. Вот и в Управление международного развития США фонд обратился, ходатайствуя о приобретении аппаратуры для будущего диагностического центра, только чтобы добиться льготных цен. Полученный оттуда ответ неожиданно многое прояснил. В частности, реакцию российской стороны на «нежелание» Ростроповича энергичнее находить требуемые миллионы.

Джулия Клемент, директор программы здравоохранения, в письме, адресованном адвокату фонда Леонарду Сильверстайну, сообщала, что сотрудник этой организации доктор Ли Хоген еще в ноябре 1993 года посетил Морозовскую больницу. И узнал, что Фонд Вишневской—Ростроповича там уже не пользуется поддержкой. А согласие партнера — необходимое условие для утверждения программы сотрудничества... Никто не собирается в подобных случаях быть мил насильно.

Из письма видно: нежелание взаимодействовать с фондом московские медики выразили задолго до того, как уведомили о том американскую сторону. **Ростропович Корнюшину от 20 июня 1994 года:** «Во время посещения больницы 3 мая (сравните: ноябрь 93-го и май 94-го. — **А. П.**), вместо делового обсуждения планов нам было заявлено, что вы больше не нуждаетесь в помощи фонда, так как премьер-министр Японии г-н Хата только что подарил вам аппаратуру для диагностического центра, который теперь будет находиться в другом здании, не требующем ремонта, а от нас ничего не нужно...»

Службист или реалист?

Кто теперь поверит, что Корнюшин ликовал, узнав, что с его больницей изъявил желание сотрудничать такой фонд. Знал, что значит в этом, а тем более в том мире имя — Мстислав Ростропович.

Ради блестящей перспективы расторгнул договор с солидным коммерческим банком, которому требовалось помещение, тот самый 14-й корпус. Банк брался восстановить его, гарантируя больнице немалые блага. В том числе поднять зарплату каждому работнику тысяч на 40—50. Не так мало, если знать, что оклад в 250—300 тысяч считается тут весьма приличным и для специалистов высшего класса.

Не тогда ли оказалось окончательно подорванным сотрудничество, когда Ростропович предпринял шаг, вконец расстроивший Корнюшина. При том, что сам музыкант, возвышенная душа, наверняка не придал ни малейшего значения той стороне дела, которая больше всего задела главврача. Отвык немного от нашей жизни да и вряд ли когда-нибудь всерьез анализировал ход мысли администраторов старого ли, нового ли типа.

Так и не сговорившись с больницей о цене перестройки корпуса, отправился к одному из министров московского правительства и ознакомил того с «прикидками» российской стороны.

Министр выразил готовность провести все строительные работы «местными силами». При условии, что фонд возьмет на себя оснащение диагностического центра медицинской аппаратурой. Но впоследствии на этот вариант не согласилась уже больница. Она-де не хочет обременять городской бюджет новой статьей расхода.

Полагаю, что подобная озабоченность «интересами города» объяснима во многом тем, что, сам того не ведая, музыкант нарушил некую административную этику, хорошо знакомую главврачу Корнюшину, уже 34 года работающему в одном из лучших в Москве детских лечебных учреждений (22 года — главврачом), прошедшему к тому же партийную выучку — был секретарем парткома больницы, членом бюро райкома, членом пленума горкома КПСС. Корнюшин знал: одно дело просить самому, другое — когда просят за тебя, да еще такой человек. «Да попроси я сам, — сказал он мне, — мне бы никто не отказал: к нам прекрасно относятся и Юрий Михайлович Лужков, и Анатолий Николаевич Соловьев».

Службист или реалист? Я чуть было не сказал ему: о детях бы подумать прежде всего. А он, словно прочитал мои мысли, дав понять: в нашем, мол, деле ради детей прежде всего надо поддерживать нормальные отношения с руководством. Иначе делу навредишь, никаким трудолюбием не восполнишь. А он трудолюбив, Корнюшин. «А чем мне еще заниматься? Живу один. Вечерами все спешат домой, а мне особенно спешить некуда. Остаюсь и работаю».

Вникал я в эту историю, и порой являлась мысль: уж не наступили ли времена, когда делать добрые дела опаснее, чем совершать преступления?

Что и говорить, дарителем, благодетелем нелегко быть в нашей стране. В стране, где безграничная нужда в благотворительности. Когда так необъятна потребность в Мамонтовых и Морозовых, то быть Мамонтовым или Морозовым — не только почетно, но и небезопасно. Того и гляди, разорвут на части; всем требуется помощь, все рассчитывают ее получить. И не завтра, не к вечеру — немедленно. А то еще перехватят «источник», перебазируют — столько «горячих точек»: беспомощные старики, убогие инвалиды, бездомные гении, больные дети... Промедлишь, и отнюдь не по своей воле, — берегись за репутацию, прослывешь «ненадежным источником», в тебе вмиг разочаруются, бросятся искать более надежный, обреченные на принцип: стучись во все двери подряд, какая-нибудь да откроется.

А великий наш музыкант и гражданин многим помогал и помогает. Но, как ни удивительно, и этим тоже, то есть — многоцельностью своей благотворительной деятельности, навредил себе в глазах больницы. Вроде бы переоценил свои силы... А еще, что тем более удивительно, «навредил» и значительностью своей фигуры, всемирной своей славой и авторитетом.

К нему же обращались, как к Всемогущему. Полагали: ну что для него три или четыре миллиона долларов? Надо — достанет. Стоит захотеть. Кто ему откажет? Ему. Самому Ростроповичу. Действительно, быть может, порой завышали требования, просили больше, чем нужно. Действительно, брали все, что он предлагал. Дескать, давай все, что есть, а еще — необходимое. «Дареному коню в зубы не смотрят», — сказал на презентации одного из подарков главврач Корнюшин. На что Ростропович заметил: «В России потому не заглядывают в рот дареной лошади, что тут зооветеринария такая же плохая, как и остальная медицина». Да, брали и на всякий случай, «про запас». Что делать? Это в наших традициях, не от хорошей жизни. У нас и домохозяйки, приходя в магазин, закупают товар впрок: чего доброго, исчезнет из продажи, как уже не однажды бывало.

Является ли черная неблагодарность нашей национальной чертой

Не только иностранным предпринимателям тяжело дается сотрудничество с новой Россией, но и таким людям, как Мстислав Ростропович. Обещал больше, чем сделал? Так ведь тут, сколько ни делай, — будет меньше, чем ждут. Да и означает ли это, что не стоит благодарности все то, что уже сделано, тот огромный труд, что уходит на попытки помочь нашей изрешеченной бесчисленными пробоинами жизни?

Мудрый маэстро, думаю, прекрасно понимает всю сложность положения, в которое он поставил себя, решившись заняться благотворительностью на своей Родине.

Что и говорить, дарителем быть нелегко, но все же легче, чем просителем. И это тоже надо понимать, исследуя действия сторон, дабы избежать скорого и неправого суда над одной из них.

Нет тяжелее участи, чем ждать милости — ладно бы от природы. Между тем участь эта множество раз уже на нашей памяти выпадала всем, кто становился очередной жертвой очередного ли социального экспромта или стихии, или... И тогда нередко в наших людях вдруг обнаруживался странный суррогат национальной гордости и патриотических чувств, как бы разбавленных, с неприятным привкусом.

Вспомните, как воспринимали ту огромную помощь, что шла со всего света после чернобыльской катастрофы? Даже наши политические лидеры требовали — требовали! — наращивать ее объемы, как бы даже рассыпая угрозы: смотрите, будете слать такие крохи, устроим вам еще пару-тройку чернобылей... А какая была реакция, когда на наших продовольственных прилавках воцарилась пустота и с Запада опять же пошел поток «продовольственных посылок»? Сколько людей с какой-то ничем, кроме всемирной солидарности человеческой, не спровоцированной ненавистью заявляли: подачки шлют... подаяние... хотят унизить великую страну...

Как-то трудно даются нам во многих случаях, казалось бы, совсем простые слова и чувства. Других без конца подозреваем в корыстной доброте и злобном соучастии, зато о себе с удовольствием думаем, как о самых благородных на земле людях. Де, нашто человек последний кусок отдаст голодному, последнюю рубаху с себя снимет... Или черная неблагодарность — наша национальная черта?

Но ведь и в самом деле миллион примеров — делились последним куском, последней рубахой, которая при нашей бедности потому и оставалась всякий раз последней, что была единственной. Или все в прошлом? А может, поделиться последним готовы и сегодня, но вот когда с нами не последним делятся, то часто кажется, будто жадничают, дают меньше, чем могли бы, и тем унижают?

Вглядитесь в нынешнее положение отечественной науки, искусства, медицины — и вы найдете объяснение многому в этой истории. Трудно существовать, жить трудно, когда в такой мере зависишь от расположения даже очень добрых, очень искренних благотворителей. Невольно занервничаешь от неуверенности в завтрашнем дне, начнешь метаться из стороны в сторону в надежде обрести твердую опору, едва покажется, что прежняя уже шатается. Так что можно лишь выразить соболезнование замордованному обстоятельствами господину Корнюшину за то, что он стал в конце концов так плохо разбираться в хороших людях. Это как же надо не понимать людей, чтобы хотя бы в мыслях своих связать с корыстными намерениями Мстислава Ростроповича, чья нравственная безупречность, опробованная при всех режимах, — вне всяких подозрений.

А вот кого не могу понять, так это главного управленца московской медицины Соловьева и журналиста Любимова.

Могу лишь предположить, что Соловьев, лишив аудиенции Ростроповича и его коллег, осуществил, таким образом, некий акт возмездия. Желая сменить догадку на точное знание, позвонил господину Соловьеву, надеясь, что он примет меня или хотя бы по телефону ответит на несколько вопросов. Поговорить, даже по телефону, с самим господином Соловьевым мне так и не довелось. Общение шло исключительно через его помощника господина Надеждина. В конце концов мне было сказано, что Соловьев ответит «на вопрос письменно, если получит его в письменном виде». Но для журналиста в таких случаях незаменим момент «личного общения».

И последнее. О фактической неточности, которую Александр Любимов в силу того, что он, думаю, не забыл для всех нас, и для него лично памятные дни, не должен был не заметить. Ему бы поправить своего гостя, утверждавшего, что Слава «там» с флажком ходил... Да не ходил он с флажком — ни там, ни тут. А вот с автоматом сидел — это правда. Между прочим, в те дни, когда — не он один так думал, но миллионы честных людей — над российской демократией нависла смертельная угроза.